

— Влад Генделев —

ПЛАМЯ
ЛАНГЕДОКА

КНИГА ПЕРВАЯ
ПЕСНЬ ЛАНГЕДОКА

ЧЕСТЬ. СВОБОДА. ВЕРА.

Влад Генделев

Пламя Лангедока. Книга Первая. Песнь Лангедока

<https://litres.ru/74232592>

SelfPub; 2026

Аннотация

1208 год. Лангедок — богатейшая земля юга Франции, где звучат песни трубадуров, проходят рыцарские турниры, а катарская вера мирно соседствует с властью графов Тулузы. Но под внешним спокойствием уже рождается заговор, способный изменить судьбу всей Европы.

Молодой рыцарь Раймон де Мирпуа оказывается втянут в расследование цепи загадочных убийств и исчезновений. Вместе с таинственной леди Эсклармондой и своим наставником Арно де Кабаре он шаг за шагом раскрывает искусно сплетённую сеть лжи, поддельных грамот, тайных союзов и политических интриг. За каждым найденным ответом скрываются новые вопросы, а настоящие вдохновители заговора остаются невидимыми, заставляя других убивать и умирать ради своих целей.

Убийство легата превращается в искру, из которой вспыхивает Альбигойский крестовый поход. Папа Иннокентий III призывает северных баронов выступить против земель Юга, обещая

участникам не только отпущение грехов, но и владения тех, кто будет объявлен еретиком.

Влад Генделев

Пламя Лангедока. Книга Первая. Песнь Лангедока

АЛЬБИГОЙСКАЯ САГА. ПЛАМЯ ЛАНГЕДОКА.

«Война за души, завоевание ради короны, любовь вопреки огню».

Книга 1. Песнь Лангедока

Пролог

Март 1244 года

Ветер дул с Пиренеев, холодный и сухой, словно сам Господь отвернулся от этой горы.

Высоко над долиной, на узком известняковом утесе, возвышался Монсегюр — последний оплот тех, кого называли еретиками. Почти год его окружали тысячи воинов французского короля и Церкви. Их лагеря, костры и осадные машины покрывали склоны, будто железный пояс, стягивавший крепость все туже.

Внизу ожидала победа.

Наверху — смерть.

За крепостной стеной стоял человек с поседевшими волосами и длинным шрамом, пересекавшим левую щеку. На его

лице не осталось юношеской красоты, но в серых глазах еще жил тот холодный, внимательный взгляд, который когда-то пугал врагов.

Его звали Раймон де Мирпуа. Когда-то люди называли его Соколом Окситании. Теперь никто не произносил этого имени.

Он смотрел вниз, туда, где на ветру развевались знамена с золотыми лилиями французского короля и красные кресты крестоносцев.

Тридцать пять лет назад он видел такие же знамена под Безье. Тогда ему было двадцать два года. Он верил, что война закончится через несколько недель. Он ошибался. Война длилась всю его жизнь.

За его спиной тихо открылась дверь.

— Они готовы, — произнес старик.

Раймон не обернулся.

— Сколько?

— Двести пять.

Он медленно закрыл глаза. Двести пять человек. Мужчины. Женщины. Старики. Совершенные.

Никто из них не согласился отказаться от своей веры.

Через несколько часов они сами выйдут за ворота и войдут в пламя. Не связанные. Не толкаемые копьями. Своими ногами. Такого Раймон не видел даже за все годы войны. Он открыл глаза.

Над восточными склонами поднималось солнце.

Его лучи золотили снег на вершинах Пиренеев, освещали зеленые долины и виноградники, которые уже начинали просыпаться после зимы. Мир казался слишком прекрасным для того, что должно было случиться.

— Ты жалеешь? — спросил старик.

Раймон долго молчал.

— О многом.

— О войне?

— Нет.

— Тогда о чем?

Раймон положил ладонь на холодный камень стены.

— О том, что мы слишком поздно поняли, против чего на самом деле сражались.

Внизу раздался протяжный звук рога. Осаждавшие требовали ответа. Сдаться. Или умереть. Старик исчез в темноте прохода. Раймон остался один. Он смотрел на долину, но видел совсем другое.

Зеленые холмы Тулузы. Летние турниры. Песни трубадуров. Лицо своего наставника Арно де Кабаре. Первый настоящий меч. Первую любовь. Первую кровь.

Он вдруг ясно понял, что память — единственное, чего враги никогда не смогут отнять. Замки можно разрушить. Книги — сжечь. Людей — казнить. Но пока хотя бы один человек способен рассказать правду, погибшая земля продолжает жить.

Раймон медленно вынул из-за пояса небольшой кожаный

ный свиток. Потемневшая кожа была перевязана простой льняной нитью. Внутри находились не сокровища, которых так жаждали победители. Не золото. Не драгоценности. Несколько десятков исписанных листов. Письма. Хроники. Песни. Имена тех, кого уже почти некому было помнить.

Он осторожно передал свиток молодому воину, бесшумно появившемуся рядом.

Юноше было не больше семнадцати лет.

— Если сегодня я погибну, — тихо сказал Раймон, — поклянись, что это переживет нас.

Юноша прижал сверток к груди.

— Клянусь.

Раймон впервые за долгое время улыбнулся.

— Тогда, возможно, мы еще не проиграли.

Внизу вновь затрубили рога.

Над лагерем крестоносцев поднималось солнце нового дня. Для победителей он должен был стать днем торжества. Для защитников Монсегюра — днем бессмертия.

А история, которая привела их к этому утру, началась задолго до первых осадных башен, задолго до костров и крестовых знамен, в те годы, когда Лангедок был самой богатой и самой счастливой землей Европы, а молодой рыцарь Раймон де Мирпуа еще верил, что честь сильнее ненависти, а справедливость всегда торжествует над силой.

Он еще не знал, что совсем скоро одна смерть изменит судьбу целого народа и положит начало войне, которая будет

длиться два десятилетия и навсегда изменит Францию.

Глава I

Земля трубадуров

«Ни один народ не знает дня, когда счастье становится воспоминанием.»

Из «Хроники Бернара», записанной спустя сорок лет после начала войны.

Весна 1204 года.

Если бы путник въезжал в Лангедок с севера, он прежде всего удивился бы не крепостям и не богатым городам.

Его поразил бы запах.

Воздух здесь пах не дымом кузниц и сырой землей, как в Нормандии или Иль-де-Франсе, а цветущим миндалем, молодыми виноградными лозами, розмарином, нагретым солнцем камнем и морской солью, которую ветер приносил с далекого Средиземного моря.

Старики говорили, что Господь создал эту землю последней. Когда устал творить мир. Поэтому сделал ее самой красивой. И люди верили.

Лангедок жил иначе, чем север Франции. Здесь реже спрашивали человека, кто его отец, и чаще — умеет ли он держать слово.

Здесь рядом с католическими соборами стояли дома катаров. Еврейские купцы свободно торговали на городских площадях. Арабские лекари принимали больных, и никто не считал это странным. В трактирах можно было услышать окситанскую речь, французскую, каталонскую, латинскую и даже арабскую.

По вечерам на площадях звучали песни трубадуров. И казалось, так будет всегда.

...

На рассвете солнце едва коснулось вершин Пиренеев, когда по узкой дороге к замку Мирпуа несли всадник.

Конь летел во весь опор. Капли росы разлетались из-под копыт. Ветер трепал темные волосы молодого рыцаря.

— Быстрее, Бельфор! — рассмеялся всадник.

Конь словно понял хозяина и прибавил ход. Дорога резко уходила вниз, к каменному мосту через реку Эрс. У самого моста неожиданно появился крестьянский воз. Испуганные волы шарахнулись в сторону.

Возница закричал:

— Осторожно!

Но было поздно. Любой другой всадник натянул бы поводья. Молодой рыцарь сделал иначе. Одним движением он поднялся в стремях, направил коня к самому краю моста, почти коснувшись каменного парапета, и, проскочив между повозкой и стеной, уже через мгновение оказался на другом берегу.

Старик-возница долго смотрел ему вслед. Потом покачал головой.

— Этот мальчишка однажды или станет великим рыцарем... или сломает себе шею.

— Скорее первое, — сказал кто-то за его спиной.

Возница обернулся.

На дороге стоял высокий мужчина в выцветшем плаще. Волосы его давно стали серебряными, но широкие плечи еще не согнулись под возрастом. На боку висел старый меч без украшений, а на лице застыло спокойствие человека, который слишком многое видел.

Арно де Кабаре. Имя, известное далеко за пределами Лангедока. Когда-то он сражался в Святой земле рядом с лучшими рыцарями Европы. Теперь обучал единственного ученика.

Старик смотрел вслед удалявшемуся всаднику.

— Он опять решил обогнать ветер.

Возница усмехнулся.

— Ваш воспитанник?

— Моя самая большая надежда... и самая большая беда.

Арно тоже сел в седло.

— Если не догоню его сейчас, к полудню он успеет ввязаться хотя бы в одну драку.

Он тронул коня легкой рысью.

...

Раймон де Мирпуа остановился лишь на вершине холма.

Перед ним открывалась вся долина. Внизу серебрилась река. За ней лежали виноградники. Еще дальше белели стены небольшого города. Над крышами уже поднимался дым первых очагов. Раймон снял перчатку и вдохнул полной грудью. Он любил эти минуты. Когда весь мир словно принадлежал только ему. Когда впереди был целый день. Когда меч еще не покидал ножен. Когда никто не просил проливать кровь.

За спиной раздался спокойный голос:

— Красиво.

Раймон даже не вздрогнул. Лишь улыбнулся.

— Вы снова подкрались незаметно.

Арно остановил коня рядом.

— А ты снова позволил это сделать.

— Я знал, что это вы.

— Нет.

Старик покачал головой.

— Ты надеялся. Это разные вещи.

Несколько мгновений оба молчали. Наконец Арно спросил:

— Что ты видел?

Раймон удивленно посмотрел на него.

— Холмы. Реку. Замок.

— Только?

Молодой рыцарь пожал плечами.

— А что еще можно увидеть?

Арно поднял руку.

— Посмотри внимательнее.

Раймон снова перевел взгляд на долину. Минуту спустя покачал головой.

— Не понимаю.

— Тогда слушай.

Старик говорил спокойно, словно рассказывал древнюю сказку.

— Видишь виноградники? Через них может пройти войско. Видишь мост? Его достаточно разрушить одним ударом требюше. Вон тот лес укроет сотню лучников. На холме удобно поставить сигнальный костер. А за рекой слишком мало воды летом. Там любой отряд перейдет вброд.

Раймон нахмурился. Теперь он видел совсем другую долину. Не мирную. Военную.

— Настоящий рыцарь, — продолжал Арно, — сначала ищет, где может начаться бой. И только потом любителю красотой.

— Вы всегда думаете о войне?

Старик долго молчал. Потом тихо ответил:

— Нет. Я слишком хорошо знаю войну, чтобы думать о ней без необходимости.

Он повернулся к ученику.

— Поэтому и учу тебя. Чтобы однажды ты сумел ее остановить.

Раймон улыбнулся.

— Одному человеку не остановить войну.

Арно посмотрел куда-то далеко на север, где за сотнями лье скрывались земли французского короля. В его взгляде мелькнула тень.

— Иногда, мальчик... одна война начинается именно потому, что один человек вовремя не сделал того, что должен был.

Раймон хотел спросить, что наставник имеет в виду, но тот уже пришпорил коня.

— Поехали. Сегодня ты наконец попробуешь победить меня.

— На мечах?

Арно усмехнулся.

— Нет. В жизни. На мечах у тебя пока нет ни единого шанса.

Раймон рассмеялся и пустил Бельфора следом.

Ни он, ни его наставник еще не знали, что совсем недалеко от них, в богатой Тулузе, уже сходятся интересы людей, для которых Лангедок был не цветущей землей, а добычей. В Риме папский престол занимал человек необыкновенной воли, мечтавший о единстве христианского мира. На севере Франции росло влияние короны. Пока все эти силы существовали словно порознь, но незримые нити уже начинали стягиваться в узел.

А пока солнце поднималось все выше над холмами, молодой Раймон де Мирпуа скакал рядом со своим наставником, уверенный, что впереди его ждут турниры, любовь, пес-

ни трубадуров и подвиги, достойные рыцарских баллад.

Ему было двадцать два года. И весь его мир еще не знал слова «крестовый поход».

Глава II

Урок старого крестоносца

«Кто первым обнажает меч, чаще всего уже проиграл спор. Но если меч покинул ножны — не позволяй ему вернуться, не исполнив своего долга.»

Из наставлений Арно де Кабаре.

Весеннее солнце уже поднялось над холмами, когда Раймон и Арно достигли старой дубовой рощи в нескольких милях от Мирпуа.

Место это знали немногие.

Когда-то здесь стояла римская сторожевая башня. Теперь от нее остался лишь круглый фундамент из огромных камней, густо поросших мхом. Рядом журчал родник, а под сенью вековых дубов земля оставалась мягкой даже в самое жаркое лето.

Арно остановил коня.

— Слезай.

Раймон легко спрыгнул на землю.

— Сегодня наконец научите меня вашему приему?

Старик сделал вид, что не услышал. Он спокойно снял седельные сумки, достал два деревянных меча, потемневших от времени, и бросил один ученику. Раймон поймал его на лету.

— Благодарю.

— Не благодари. Лучше постарайся сегодня не опозориться.

Юноша усмехнулся.

— В прошлый раз я продержался почти минуту.

— Сорок семь ударов сердца.

— Вы считали?

— Всегда.

Арно медленно вынул из ножен свой деревянный меч. Несколько мгновений они стояли неподвижно. В роще пели птицы. Шумела листва. Ничто не предвещало схватки.

— Начинай, — сказал Арно.

Раймон не заставил себя ждать. Он шагнул вперед стремительно, почти без замаха нанося рубящий удар сверху. Дерево встретилось с деревом. Глухой стук прокатился под кронами дубов.

Арно даже не сдвинулся.

Следующий удар. Еще один. Поворот. Выпад...

Раймон атаковал быстро, меняя направление почти после каждого движения. Старик отражал удары так спокойно, словно отмахивался от назойливых мух. Через несколько мгновений молодой рыцарь уже тяжело дышал. Арно — нет.

— Быстрее.

Раймон ускорился.

— Еще. Удар. Еще. Еще. И вдруг...

Деревянный меч вылетел из рук Раймона и, описав дугу, упал в траву. Юноша даже не понял, что произошло. Арно уже стоял у него за спиной. Конец деревянного клинка легко коснулся затылка ученика.

— Умер.

Раймон тяжело вздохнул.

— Как?

— Ты снова смотрел на меч.

— А куда нужно смотреть?

— В глаза.

— Но почему?

Арно опустил оружие.

— Потому что меч умеет лгать.

Человек — почти никогда.

Он поднял лежавший в траве меч и протянул ученику.

— Еще раз.

На этот раз схватка длилась дольше. Раймон двигался осторожнее. Он действительно старался смотреть наставнику в лицо. И неожиданно заметил странную вещь. Перед каждым движением Арно едва заметно менял положение плеч. Совсем чуть-чуть. Этого хватало.

Раймон успел отбить три особенно опасных удара. Потом все равно проиграл. Но уже иначе. Старик довольно кивнул.

— Видишь?

— Плечи...

— Не только. Бедра. Колени. Дыхание. Даже взгляд. Тело всегда предупреждает раньше меча. Оружие лишь заканчивает то, что человек уже решил сделать.

Они снова начали. Час. Потом еще один. Когда солнце поднялось почти к зениту, Раймон уже едва держал меч. Руки дрожали. Рубаха прилипла к спине.

Арно выглядел почти так же спокойно, как утром.

— Хватит.

Раймон опустился прямо на траву.

— Кажется... сегодня... я умер меньше раз.

— Всего двенадцать.

— Уже лучше.

— Вдвое лучше.

Юноша рассмеялся.

Арно тоже позволил себе легкую улыбку. Это случалось редко. Очень редко. Некоторое время они молчали. Издали донеслось пение жаворонка.

Раймон лежал на спине, глядя в чистое небо.

— Арно...

— Что?

— Вы действительно сражались с сарацинами?

Старик долго не отвечал.

— Да.

— Они были такими страшными, как рассказывают?

Арно сорвал травинку. Повертел ее в пальцах.

— Страшнее всего были не сарацины.

— А кто?

— Мы сами.

Раймон приподнялся на локте.

— Не понимаю.

— В Святой земле я видел, как христиане убивали христиан из-за золота. Видел, как мусульманин делился водой с раненым рыцарем. Видел священников, благословлявших грабеж. И видел воинов, которые не умели ни читать, ни писать, но были благороднее многих князей.

Он посмотрел на ученика.

— После этого начинаешь осторожнее судить людей.

— Значит, вы перестали верить?

Вопрос прозвучал неожиданно. Даже для самого Раймона. Арно поднял голову. В его глазах не было ни гнева, ни удивления. Только усталость.

— Нет. Я перестал верить тем, кто слишком легко говорит от имени Господа.

Эти слова повисли в тишине. Раймон запомнил их. Хотя тогда еще не понял их настоящего смысла.

Вскоре они оседлали лошадей и двинулись обратно к Мирпуа.

Дорога петляла среди виноградников и небольших деревень. Крестьяне приветствовали Арно уважительными поклонами, а Раймону улыбались девушки, прятавшие лица за

корзинами с цветами.

Юноша отвечал каждой одинаково доброжелательной улыбкой.

— Не зазнавайся, — негромко сказал Арно.

— Я просто был вежлив.

— Именно так начинаются все неприятности.

Раймон рассмеялся. Но почти сразу смех оборвался. Навстречу им быстро ехал всадник. Лошадь была покрыта пеной. На плаще гонца виднелся герб замка Мирпуа.

Еще издали он закричал:

— Мессир Арно!

Старик мгновенно насторожился.

— Что случилось?

Гонец едва перевел дыхание.

— Прибыли люди графа Тулузского. Они требуют вас обоих немедленно явиться в замок.

— Почему?

— Не знаю...

Он сглотнул.

— Но с ними приехал человек из самого Тулузы. И, говорят... новости касаются не только нашего сеньора.

Арно и Раймон переглянулись. Старый воин ничего не сказал. Но впервые за весь день его лицо стало по-настоящему серьезным.

Незаметно для них обоих колесо истории уже начало свой медленный поворот.

Глава III

Письмо с печатью графа

«Иногда не меч начинает войну. Иногда достаточно письма, доставленного вовремя.»

Из «Хроники Бернара».

Дорога к замку Мирпуа занимала меньше часа.

Но в тот день она показалась Раймону необычайно длинной.

Арно ехал впереди, не подгоняя коня. За годы, проведенные рядом с наставником, Раймон научился понимать его молчание. Сейчас старик думал. Очень напряженно. Это настораживало больше любых слов.

Замок Мирпуа стоял на невысоком холме, окруженный молодой зеленью. Его стены были не столь величественны, как у крупных крепостей Тулузы или Каркассона, но выглядели надежно. За ними жили люди, которых Раймон знал с детства: кузнец Жиль, капеллан отец Эмери, старый оружейник Гуго, повариха Марта, называвшая его «мальчиком», хотя ему давно исполнилось двадцать два года.

Сегодня во дворе было непривычно тихо. Даже собаки не лаяли.

У коновязи стояли четыре незнакомых коня — рослые,

дорогие, хорошо откормленные. На их пополах красовался герб графа Тулузского: золотой окситанский крест на алом поле.

— Значит, гонец не ошибся, — тихо сказал Арно.

Навстречу им уже спешил управляющий замка Пьер.

Невысокий, плотный человек с редющими волосами всегда сохранял спокойствие. Но сейчас он заметно нервничал.

— Слава Богу, вы приехали.

— Где гости? — спросил Арно.

— В большом зале. Ждут только вас.

— Хозяин?

— Уже там.

Арно коротко кивнул.

— Раймон, идешь со мной.

— И я тоже? — удивился молодой рыцарь.

— Если тебя вызывают вместе со мной, значит, причина есть.

Они вошли в главный зал.

В камине потрескивали поленья, хотя день был теплым. На длинном дубовом столе лежали свитки, дорожные карты и кубки с недопитым вином.

Во главе стола сидел сеньор Мирпуа — Эмерик де Мирпуа, двоюродный дядя Раймона. Мужчина лет пятидесяти, с густой седой бородой и тяжелым взглядом человека, привыкшего отвечать за других. Напротив него расположились двое незнакомцев.

Один был рыцарем. Высокий, широкоплечий, в кольчуге, которую даже не снял с дороги. Второй носил длинное темное одеяние писца или нотариуса. Именно он первым поднялся.

— Мессир Арно де Кабаре?

— Да.

— И мессир Раймон де Мирпуа?

— Да.

Писец поклонился.

— Я Гильом де Фуа, секретарь графской канцелярии.

Он достал из кожаного футляра свернутый пергамент. Большая красная восковая печать с окситанским крестом оставалась нетронутой.

— Это письмо предназначено лично вам, мессир Арно.

Старик взял свиток. Печать хрустнула под его пальцами. Он молча прочитал несколько строк. Потом прочитал еще раз. Лицо его не изменилось. Лишь глаза стали холоднее.

— От кого письмо? — спросил Эмерик.

Арно поднял взгляд.

— От самого графа Раймунда.

В зале стало совсем тихо. Даже огонь словно перестал потрескивать. Раймон внимательно наблюдал за наставником. За двадцать лет знакомства он почти никогда не видел, чтобы Арно удивлялся. Сейчас удивление было. Совсем небольшое. Но было.

— Что случилось? — спросил Эмерик.

Арно передал ему письмо. Сеньор Мирпуа читал медленно, шевеля губами. Потом нахмурился.

— Любопытно...

Он положил пергамент на стол.

— Граф просит тебя прибыть в Тулузу. Как можно скорее.

И взять с собой Раймона. Юноша не выдержал.

— Меня? Но зачем?

Никто не ответил.

Писец Гильом заговорил осторожно:

— Причину знает только граф. Мне велено было лишь доставить письмо и сопровождать вас.

— Когда мы должны выехать?

— Желательно завтра на рассвете.

Арно подошел к узкому окну. Некоторое время смотрел на двор. Потом спросил:

— Кто еще получил такие письма?

Писец едва заметно улыбнулся.

— Значит, вы тоже обратили внимание.

— Ответьте.

— Несколько человек.

— Кто именно?

— Мне запрещено называть имена.

Арно кивнул.

— Этого достаточно.

После короткой паузы он неожиданно произнес:

— Значит, граф собирает не войско. Он собирает людей.

Писец промолчал. Но его молчание оказалось красноречивее любых слов.

...

После ухода гостей Арно долго стоял во дворе. Раймон подошел ближе.

— Вы что-то поняли?

— Пока нет.

— Тогда почему так обеспокоены?

Старик поднял с земли небольшую веточку и переломил ее.

— Запомни одну вещь. Если правитель вызывает сразу нескольких людей, не объясняя причины, значит, произошло нечто такое, о чем пока нельзя говорить вслух.

— Война?

— Не обязательно.

— Заговор?

Арно пожал плечами.

— Может быть.

— Тогда почему брать меня?

Старик посмотрел ему прямо в глаза.

— Потому что кто-то уже обратил на тебя внимание.

Раймон невольно рассмеялся.

— На меня?

— Ты слишком хороший фехтовальщик для своего возраста. Слишком образован.

Слишком любознателен. И слишком часто задаешь во-

просы.

— Разве это плохо?

— Иногда опаснее всего именно те люди, которые задают правильные вопросы.

...

Вечером, когда солнце уже касалось дальних холмов, Раймон отправился в конюшню проведать Бельфора.

Конь тихо фыркнул, узнав хозяина. Юноша погладил его по шее.

— Похоже, друг мой, завтра нас ждет Тулуза.

Он не заметил человека, стоявшего в тени соседнего стойла. Лишь когда раздался негромкий голос, Раймон резко обернулся.

— Хороший конь.

Перед ним стоял тот самый рыцарь, сопровождавший графского секретаря. Высокий.

Лет сорока. Лицо пересекал старый шрам.

— Благодарю, мессир.

— Ты Раймон?

— Да.

Незнакомец подошел ближе. Внимательно посмотрел на молодого рыцаря. Так внимательно, словно пытался запомнить каждую черту лица.

— Арно многому тебя научил?

— Я надеюсь.

Рыцарь неожиданно спросил:

— Сколько раз ты побеждал своего наставника?

Раймон улыбнулся.

— Ни разу.

— Хороший ответ.

Мужчина тоже улыбнулся.

— Значит, Арно еще жив.

Несколько мгновений они молчали. Потом незнакомец сказал совсем тихо:

— Береги его. Такие люди рождаются редко.

Он развернулся и ушел. Раймон смотрел ему вслед, пока тот не растворился в вечерних сумерках. Он еще не знал имени этого человека. Но судьба сведет их вновь.

И однажды им предстоит стоять друг против друга — с обнаженными мечами, по разные стороны великой войны.

Глава IV

Дорога в Тулузу

«Есть дороги, с которых путник возвращается домой. Есть дороги, после которых дом уже никогда не будет прежним.»

Из «Песен Бернара о погибшем Лангедоке».

Ночь прошла беспокойно.

Раймон долго не мог уснуть. За узким окном его комнаты

шумел весенний ветер, где-то во дворе лениво переговаривались дозорные, из конюшни доносилось негромкое ржание лошадей.

Он лежал, глядя в потолочные балки. Почему граф вызвал именно его? Почему вместе с Арно? И кто был тот молчаливый рыцарь со шрамом?

Вопросы кружились в голове, не давая покоя. Наконец сон все же пришел. Но ненадолго.

...

Еще до рассвета кто-то трижды постучал в дверь.

— Вставай.

Арно.

— Уже?

— Солнце не станет ждать, пока ты выспишься.

Через четверть часа они уже были во дворе. Слуги крепили последние ремни на выучных лошадях. Кузнец Жиль проверял подковы. Повариха Марта, как всегда, ворчала:

— Нельзя отправляться в путь натошак.

Она сунула Раймону в руки теплую лепешку, кусок овечьего сыра и завернутую в ткань копченую ветчину.

— Спасибо, Марта.

— Не спасибо говори. Вернись живым.

Она произнесла это буднично. Но почему-то именно эти слова надолго остались в памяти Раймона.

...

Отряд был небольшим. Арно. Раймон. Графский секре-

тарь Гильом. Рыцарь со шрамом. Шестеро вооруженных сержантов. И двое оруженосцев. Всего двенадцать человек.

Небольшая компания для беспокойных дорог. Но достаточно опытная, чтобы не бояться разбойников.

Они покинули Мирпуа, когда над горизонтом только начинала разливаться розовая полоска рассвета. Некоторое время ехали молча. Дорога вилась между виноградниками. Потом уходила в густые дубовые леса. Наконец впереди показались первые фермы. Крестьяне уже работали в полях. Кто-то махал всадникам рукой. Кто-то снимал шапку перед Арно. Старика здесь знали почти все.

...
— Ты заметил? — неожиданно спросил Арно.

— Что именно?

— Кто здоровается первым.

Раймон оглянулся.

— Все?

— Нет. Подумай.

Юноша нахмурился. Через несколько минут ответил:

— Старики.

Арно довольно кивнул.

— Верно.

— И что это значит?

— Они видели войну.

Молодые еще думают, что оружие приносит славу. Старики знают, что оно приносит могилы.

Раймон ничего не ответил.

...

К полудню солнце стало припекать. Отряд остановился у небольшого монастыря. Белые стены почти скрывались среди кипарисов. У ворот их встретил пожилой монах.

— Мир вам.

— И вам мир, брат, — ответил Арно.

Монах внимательно посмотрел на путешественников.

— Путь держите в Тулузу?

— Да.

— Тогда поешьте. Дорога нынче длиннее обычного.

Раймон удивился.

— Разве дорога может стать длиннее?

Монах печально улыбнулся.

— Может. Когда люди начинают бояться друг друга.

За простой трапезой почти не разговаривали. Лишь когда монахи разошлись, рыцарь со шрамом неожиданно обратился к Арно:

— Ты его хорошо обучил.

Он кивнул в сторону Раймона.

— Еще нет.

— Скромничаешь.

— Нет.

Арно спокойно отпил воды.

— Он прекрасно владеет мечом. Но еще не умеет понимать людей.

— Это приходит с возрастом.

— Иногда не приходит никогда.

Рыцарь задумчиво кивнул.

— Согласен.

Раймон почувствовал себя мальчишкой, которого обсуждают взрослые. Ему это не понравилось.

— Простите, мессеры... Можно задать вопрос?

Рыцарь посмотрел на него с интересом.

— Попробуй.

— Почему вы все время говорите обо мне так, будто меня здесь нет?

Несколько секунд стояла тишина. Потом оба старших рассмеялись. Искренне. Без насмешки. Арно первым перестал смеяться.

— Потому что теперь ты уже не ребенок. Пора привыкать. Военачальников всегда обсуждают в их присутствии. И чаще всего — без их участия.

Раймон хотел что-то ответить.

Но не успел.

...

Со стороны дороги послышался топот копыт. Через мгновение во двор монастыря влетел всадник. Лошадь была вся в пене. Сам всадник едва держался в седле.

— Воды!..

Монахи бросились к нему. Раймон тоже подошел ближе. На одежде незнакомца темнели пятна крови.

— Разбойники? — спросил кто-то.

— Нет...

Тот тяжело дышал.

— Наемники...

Их человек двадцать... Ограбили купеческий обоз... Двоих убили...

Он почти потерял сознание. Арно быстро осмотрел рану.

— Стрела прошла навылет. Повезло.

— Далеко отсюда? — спросил рыцарь со шрамом.

— Около... двух лье... На дороге к Памье...

Рыцарь уже поднялся.

— Нужно ехать.

Арно спокойно покачал головой.

— Поздно.

— Почему?

— Их уже нет.

— Откуда знаешь?

— Потому что хороший разбойник никогда не остается ждать рыцарей.

Тот задумался. Потом медленно кивнул.

— Верно.

Но Раймон не выдержал.

— А если там остались раненые?

Арно внимательно посмотрел на ученика. И впервые за весь день улыбнулся.

— Вот теперь правильный вопрос.

Он повернулся к остальным.

— Меняем маршрут. Заедем к обозу. Даже если уже поздно ловить убийц. Может быть, еще не поздно спасти живых.

...

Когда они снова выехали на дорогу, солнце уже клонилось к западу. Никто из них еще не подозревал, что эта небольшая задержка изменит судьбу сразу нескольких людей. Иногда история не рождается на королевских советах и не начинается с громких речей. Иногда она начинается с решения помочь незнакомцу, истекающему кровью у дороги.

А иногда — с человека, которого находят среди мертвых, когда все уже считают его погибшим.

Глава V

Мальчик среди мертвых

«Милосердие редко меняет мир сразу. Но именно с него начинается все, что потом называют судьбой.» ... Из проповедей безымянного окситанского монаха.

К месту нападения они добрались, когда солнце уже коснулось верхушек деревьев.

Дорога здесь сужалась между двумя каменистыми холмами. Слева густо рос дубовый лес, справа тянулись заросли можжевельника. Лучшего места для засады трудно было придумать.

Арно придержал коня.

— Никому не спешить.

Он поднял руку. Весь отряд остановился. Тишина. Слишком глубокая. Не слышно было ни птиц, ни человеческих голосов. Лишь ветер осторожно шевелил молодую листву.

— Чувствуешь? — тихо спросил Арно.

Раймон вдохнул. Через мгновение его лицо стало серьезным.

— Дым...

— И кровь.

Старик первым тронул коня. Через несколько десятков шагов дорога резко поворачивала. За поворотом лежал разграбленный обоз. Две тяжелые повозки были опрокинуты. Одна медленно догорала.

Мешки с шерстью, разбитые бочки с вином, перевернутые сундуки — все было разбросано по дороге. На земле неподвижно лежали люди.

Семеро.

Нет... Восемь.

Раймон почувствовал, как внутри все сжалось. Это были не воины. Обычные купцы. Возчики. Оруженосцы.

Один старик до сих пор сжимал в руке обломок оглобли, словно пытался защищаться до последнего.

— Осмотреть все, — коротко приказал Арно.

— Осторожно. Если кто-то из нападавших остался...

Но опытный взгляд старика уже говорил другое. Засада

закончилась давно. Нападавшие ушли. Теперь здесь хозяйничала только смерть.

Раймон спрыгнул с коня. Первый человек был мертв. Второй тоже. Третий едва открыл глаза.

Юноша опустил ся рядом.

— Слышите меня?

Купец попытался что-то сказать. Из рта выступила кровь.

— Воды...

Раймон осторожно приподнял его голову. Несколько капель воды скатились по губам. Мужчина улыбнулся. Совсем немного.

— Спасибо...

Это было последнее слово. Голова бессильно опустилась. Раймон медленно закрыл ему глаза. Он уже видел смерть. Но не так близко. Не так спокойно.

Арно подошел сзади. Ничего не сказал. Лишь положил тяжелую ладонь ученику на плечо. Иногда этого было достаточно.

— Здесь!

Крик одного из сержантов заставил всех обернуться. Возле второй повозки он стоял на коленях.

— Быстрее!

Раймон подбежал первым. Под колесом лежал мальчик. Лет двенадцати. Его почти полностью закрывал убитый мул. Только теперь стало понятно, почему разбойники его не на-

шли.

Арно мгновенно оценил обстановку.

— Осторожно. Поднимайте.

Четверо мужчин навалились на тушу животного. Колесо скрипнуло. Мул тяжело съехал в сторону. Мальчик не двигался. Раймон уже решил, что опоздали. Но Арно неожиданно приложил пальцы к его шее. Через мгновение кивнул.

— Жив.

— Слава Богу...

— Пока не благодари.

Он осторожно осмотрел ребенка. Лицо в синяках. Разбитая губа. Ссадины. Левое плечо сильно распухло.

— Перелом.

Но жить будет. Мальчик вдруг тихо застонал. Его веки дрогнули.

— Где...

Он пытался подняться.

— Лежи, — мягко сказал Раймон.

— Все уже кончилось.

— Отец...

Голос сорвался. Юноша молчал. Он уже догадался. Мальчик тоже понял. Повернул голову. Увидел тело мужчины в богатой дорожной одежде. И больше не произнес ни слова. Не закричал. Не заплакал. Лишь смотрел. Так смотрят люди, у которых за одно мгновение заканчивается детство.

Солнце почти село. Арно приказал похоронить погибших.

Работали молча. Каждый понимал, что завтра на этом месте снова будут ехать купцы. Дорога не должна превращаться в кладбище.

Раймон собственноручно помогал копать землю. Когда последняя могила была засыпана, монах из ближайшей обители прочитал короткую молитву. После нее долго никто не говорил.

Мальчик сидел у костра, завернувшись в шерстяное одеяло. Он не ел. Не пил. Только смотрел в огонь.

Раймон подошел. Присел рядом.

— Как тебя зовут?

Молчание.

— Меня Раймон.

Прошла почти минута. Наконец прозвучал тихий голос.

— Бернар.

— Сколько тебе лет?

— Двенадцать.

— Это был твой отец?

Мальчик медленно кивнул.

— Мы ехали в Тулузу.

Он снова замолчал. Раймон не стал расспрашивать дальше. Иногда человеку нужно время, чтобы боль обрела слова.

Поздно вечером, когда лагерь уже затих, Арно подозвал Раймона.

— Что думаешь?

— О чем?

— О нападении.

Юноша задумался.

— Разбойники.

— Нет.

— Почему?

Арно взял палку и начал чертить на земле.

— Видишь?

Повозки остановили здесь. Лучников поставили здесь. А всадники ударили отсюда.

Он нарисовал три линии.

— Это слишком грамотно.

— Но ведь разбойники тоже умеют устраивать засады.

— Умеют.

Арно стер рисунок.

— Но они не убивают возчиков первыми. Они не добивают охрану так быстро. И никогда не бросают хорошие мечи.

Раймон вспомнил. Действительно. Несколько дорогих клинков так и остались лежать возле тел.

— Тогда кто?

Старик посмотрел в темноту.

— Люди, которых интересовал не груз.

— А что?

— Кто-то.

Раймон почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Значит...

Они искали одного человека?

— Или одну вещь.

Арно перевел взгляд на мальчика, сидевшего у костра. Бернар по-прежнему не шевелился.

— Завтра, — тихо сказал старик, — когда он немного придет в себя, нужно узнать, кем был его отец. Потому что я почти уверен... Он не договорил.

Но Раймон уже понял. Эта засада была вовсе не случайной. Их путешествие в Тулузу начинало переплетаться с чьим-то тщательно продуманным замыслом — настолько тщательно, что даже смерть купеческого каравана могла оказаться лишь первым ходом в игре, правила которой пока не понимал никто из них.

Глава VI

Купец, который слишком много знал

«Не всякое богатство носят в сундуках. Иногда самый дорогой груз помещается в памяти одного человека.» ...Из «Книги наставлений» Арно де Кабаре.

Ночь была холодной.

Весна в Лангедоке умела быть обманчивой. Днем солнце согревало камни, а после заката с Пиренеев спускался сырой ветер, заставляя путников плотнее закутываться в плащи.

Лагерь спал, не спал только Арно. Раймон заметил это, когда проснулся от тихого треска костра. Старик сидел один,

глядя в огонь.

— Не спится? — спросил Раймон, подходя ближе.

Арно не обернулся.

— Старые солдаты редко спят спокойно.

Раймон сел рядом. Некоторое время оба молчали. Потом Арно неожиданно спросил:

— Сколько тел ты насчитал?

— Восемь.

— Ошибаешься.

Раймон удивился.

— Разве?

— Девять.

Юноша нахмурился.

— Но...

— Один ушел.

Теперь Раймон окончательно перестал понимать. Арно взял сухую ветку и стал рисовать на земле.

— В караване было три повозки.

— Да.

— Мы нашли две.

Раймон замер.

Он медленно поднял глаза.

— Третья...

— Исчезла.

Юноша мысленно вернулся к месту засады. Действительно. Колея на дороге уходила дальше. Он просто не обратил

на это внимания.

— Почему вы ничего не сказали?

— Потому что хотел посмотреть, заметишь ли ты сам.
Раймон покачал головой.

— Не заметил.

— Значит, завтра будешь смотреть внимательнее.

...

На рассвете Арно разбудил весь отряд.

— Перед отъездом осматриваем место нападения еще раз.
Графский секретарь удивился.

— Мы ведь уже все проверили.

— Нет. Мы осмотрели мертвых, теперь осмотрим дорогу.

Рыцарь со шрамом внимательно посмотрел на Арно. И ничего не сказал. Кажется, он тоже начинал понимать.

...

Солнце только показалось над деревьями, когда Арно остановился возле размытой колеи.

— Смотри.

Раймон прыгнул с коня. Следы были отчетливы. Третья повозка действительно свернула с дороги. Но не случайно. Ее уводили.

— Четыре лошади, — сказал Раймон.

— Нет. Шесть.

Юноша присмотрелся. Арно оказался прав. К следам повозки добавлялись отпечатки копыт.

— Значит, они забрали только одну?

— Именно.

Старик пошел дальше. Следы уходили в лес. Через несколько сотен шагов они вышли на небольшую поляну. Повозка стояла там. Пустая. Колеса были целы, лошади исчезли, сундуки взломаны, мешки испорчены, все вещи разбросаны.

Раймон медленно обходил поляну. Золото? Нет. Дорогие ткани? На месте. Серебряная посуда? Тоже.

Он поднял тяжелый подсвечник.

— Почему они его не взяли?

Арно уже осматривал землю.

— Потому что искали не это.

Вдруг старик присел. Пальцами поднял маленький клочок красного воска. Потом второй. Еще один. На земле лежали обломки нескольких печатей.

— Документы, — тихо сказал Арно.

— Они вскрывали письма.

Гильом де Фуа подошел ближе.

— Купцы часто перевозят бумаги, долговые расписки, контракты.

Арно покачал головой.

— Нет. Такие письма не заставляют убивать девять человек.

Он поднял кусочек воска к свету. На нем сохранился едва различимый отпечаток. Лилия. Французская королевская лилия.

Раймон почувствовал, как внутри что-то дрогнуло.

— Это...

— Да.

Не герб Тулузы. Не печать местного сеньора. Королевская. Все замолчали. Первым заговорил рыцарь со шрамом.

— Ты уверен?

Арно молча протянул ему обломок. Тот долго рассматривал его, потом очень тихо произнес:

— Черт побери...

...

Бернар сидел под деревом. Ему перевязали плечо, лицо стало спокойнее. Когда Раймон подошел, мальчик сам поднял голову.

— Вы нашли?

— Возможно. Скажи... Кем был твой отец?

Бернар долго молчал. Потом ответил:

— Он был купцом.

— Это мы знаем.

Что он перевозил?

— Разное. Ткани, соль, книги, иногда письма.

Арно мгновенно повернулся.

— Какие письма?

Мальчик пожал плечами.

— Не знаю. Он говорил, что за хорошие письма платят больше, чем за хороший шелк.

Раймон и Арно переглянулись.

— Кто ему их давал?

— Разные люди. Иногда монахи, иногда графские люди, иногда...

Бернар неожиданно замолчал.

— Иногда кто?

— Один человек. Я не знаю его имени. Он всегда приезжал ночью. В черном плаще. Никогда не снимал капюшон.

В лагере стало тихо. Арно опустил перед мальчиком на корточки.

— Послушай меня внимательно. Это очень важно. Ты когда-нибудь видел его лицо?

Бернар покачал головой.

— Нет.

— Голос?

— Он говорил мало.

— Что-нибудь необычное?

Мальчик задумался. Совсем ненадолго. И вдруг сказал:

— Он хромал.

Все переглянулись. Рыцарь со шрамом медленно выпрямился.

— Этого недостаточно.

Арно кивнул.

— Пока недостаточно. Но уже больше, чем было вчера.

...

Через час отряд снова двинулся к Тулузе.

Однако теперь атмосфера изменилась. Еще вчера все счи-

тали, что стали случайными свидетелями разбойного нападения. Сегодня никто уже не верил в случайность. Кто-то перехватил купеческий караван. Кто-то искал определенные документы. Кто-то уничтожил почти всех свидетелей. И лишь один двенадцатилетний мальчик по прихоти судьбы остался жив.

Раймон ехал рядом с Арно и впервые за долгое время заметил, что старик не наблюдает за дорогой. Он думал. Очень напряженно.

Наконец Раймон тихо спросил:

— Вы чего-то боитесь?

Арно ответил не сразу.

— Да.

— Чего?

Старик медленно повернул голову.

— Больше всего я боюсь, что мы едем в Тулузу именно из-за тех писем, которые уже никогда не прочитаем.

Эти слова прозвучали так спокойно, что Раймону стало не по себе.

Он еще не понимал, что в руках неизвестных уже могли оказаться сведения, способные изменить судьбу не только Лангедока, но и всей Франции. И если Арно был прав, то их путешествие переставало быть обычным вызовом ко двору графа — оно превращалось в гонку с невидимым противником, который пока неизменно опережал их на один шаг.

Глава VII

Трубадур на переправе

«Песня переживает меч. Меч ржавеет в земле, а песня идет дальше с теми, кто ее помнит.»

...Из старинной окситанской канцоны.

К полудню третьего дня дорога вывела их к широкой реке Арьеж.

Весной она становилась особенно бурной. Снег таял в Пиренеях, и мутная вода с глухим рокотом неслась между берегами, унося ветви, коряги и целые стволы деревьев.

Переправиться можно было только по старому каменному мосту. Возле моста, как всегда, шумела жизнь. Крестьяне гнали овец. Купцы спорили о цене соли. Монахи просили подаяние. Дети бегали между телегами. Возле придорожной таверны играли музыканты. Раймон невольно улыбнулся.

— Вот настоящий Лангедок.

Арно посмотрел на толпу.

— Пока да.

— Что значит — пока?

— Ничего не бывает вечным.

Раймон хотел возразить, но в этот момент над площадью зазвучала лютня. Музыкант сидел прямо на старой бочке. Высокий, худощавый мужчина лет тридцати. Черные волосы

спадали почти до плеч. На поношенном плаще были вышиты серебряные листья лавра — знак трубадура.

Он пел на окситанском языке. Голос был чистым и удивительно сильным. Даже торговцы постепенно перестали спорить. Все слушали.

«Земля хранит лишь тех, кто землю не предал.

А золото и власть — как дым над очагом...»

Когда песня закончилась, люди захлопали. Кто-то бросил музыканту несколько монет. Кто-то — кусок хлеба.

Трубадур поклонился с достоинством, словно выступал перед самым графом Тулузским. Раймон подошел ближе.

— Красиво.

Музыкант улыбнулся.

— Спасибо, мессир.

— Это чья песня?

— Пока ничья.

— То есть?

— Я написал ее вчера.

Арно, до этого молча наблюдавший со стороны, неожиданно вмешался:

— Как тебя зовут?

— Бернар.

Раймон удивленно посмотрел сначала на музыканта, потом на мальчика Бернара, ехавшего в их обозе. Тот тоже услышал разговор. И впервые за последние дни улыбнулся.

— У нас одинаковые имена.

Трубадур весело рассмеялся.

— Значит, судьба благосклонна к Бернарам.

— Или испытывает нас, — тихо заметил Арно.

Музыкант внимательно посмотрел на старика.

— Кажется, мы раньше встречались.

Арно покачал головой.

— Не думаю.

— Возможно... Но ваше лицо мне знакомо.

Старик не стал продолжать разговор.

...

Они уже собирались покинуть переправу, когда с противоположной стороны моста показался небольшой вооруженный отряд. Пять всадников. Во главе — молодой рыцарь в дорогой кольчуге. На щите красовался герб северофранцузского рода. Незнакомец ехал уверенно, будто весь мост принадлежал ему одному. Поравнявшись с Арно, он остановил коня.

— Добрый день, мессеры.

Арно ответил таким же спокойным поклоном.

— Мир вашему пути.

Молодой рыцарь внимательно посмотрел на каждого из путешественников. Особенно долго — на графского секретаря. Потом перевел взгляд на Раймона.

— Вы едете в Тулузу?

Наступила короткая пауза. Отвечать первым Арно не спешил. Ответил Гильом.

— Да.

— Любопытно.

Незнакомец улыбнулся.

— Мы тоже.

Его улыбка была вежливой. Но глаза оставались холодными.

— Позвольте представиться. Готье де Бове. Рыцарь из Пикардии.

Имя ничего не сказал Раймону. Зато Арно едва заметно напрягся. Настолько едва заметно, что это уловил только его ученик.

— Арно де Кабаре.

— Наслышан.

— Не сомневаюсь.

Готье улыбнулся шире.

— О вас говорят, что в молодости вы были одним из лучших мечников Святой земли.

Арно пожал плечами.

— Люди любят преувеличивать.

— Возможно.

Молодой северянин наклонился в седле.

— Тогда, надеюсь, слухи о вашем благоразумии тоже преувеличены.

— Почему вы так решили?

— Потому что благоразумные люди редко вмешиваются в чужие дела.

Повисла тишина. Даже торговцы на площади начали поглядывать в их сторону. Раймон почувствовал, как ладонь сама легла на рукоять меча. Арно этого даже не заметил. Он продолжал спокойно смотреть на собеседника.

— Хороший совет.

— Надеюсь, вы им воспользуетесь.

— Всегда стараюсь.

Оба улыбались. Но Раймон вдруг понял, что еще немного — и оба одновременно обнажат клинки. Этого не произошло. Готье слегка поклонился.

— Желаю счастливой дороги.

— И вам.

Северяне проехали дальше. Лишь один раз Готье обернулся. Совсем ненадолго. Словно хотел убедиться, что запомнил лицо Раймона.

...

Когда мост остался далеко позади, Раймон наконец спросил:

— Кто это?

Арно долго молчал.

— Не знаю.

— Но вы его испугались.

Старик резко посмотрел на ученика.

— Запомни еще один урок.

— Какой?

— Никогда не путай осторожность со страхом.

Он поправил поводья.

— Этот человек опасен.

— Почему?

— Потому что умеет улыбаться, когда угрожает.

Раймон задумался.

— Он действительно нам угрожал?

— Конечно.

— Я почти ничего не понял.

Арно впервые за весь день улыбнулся.

— Именно поэтому он опасен.

...

Позади них у переправы трубадур Бернар снова взял в руки лютню. Он смотрел вслед удалявшимся всадникам и почему-то не мог избавиться от странного ощущения. Будто только что встретил людей, о которых однажды сложит самую печальную песню в своей жизни.

И хотя ни Раймон, ни Готье де Бове еще не знали друг друга по-настоящему, судьба уже сделала первый незаметный ход, сведя будущих противников на старом мосту через Арьез. Тогда между ними прозвучали лишь несколько вежливых фраз. Через несколько лет между ними будут говорить только мечи.

Глава VIII

Город, где говорили на языке свободы

«Тулуза богата не серебром и не стенами. Ее истинное богатство — люди, которые не боятся говорить то, что думают.» ...Из письма арагонского купца своему брату. 1203 год.

На четвертый день пути показалась Тулуза. Сначала над горизонтом возникли башни. Потом — зубчатые стены. Потом — бесчисленные крыши из красной черепицы, сверкавшие под полуденным солнцем. Наконец открылся весь город.

Раймон невольно придержал коня. Он бывал здесь прежде. Но никогда не видел Тулузу такой. По реке Гаронне медленно двигались десятки торговых судов. На пристанях разгружали тюки с английской шерстью, каталонским вином, арабскими тканями и пряностями с Востока. За крепостными стенами возвышались башни церквей, дворцы богатых купцов и дома ремесленников. Издали доносился гул тысяч голосов.

— Теперь понимаешь, — тихо сказал Арно, — почему столько людей завидуют Лангедоку?

Раймон молча кивнул. Тулуза казалась не просто городом. Она казалась живым существом. Богатым. Гордым. Свободным.

...

Южные ворота были распахнуты настежь. Стражники проверяли лишь чужеземцев. Графский секретарь показал печать. Начальник караула сразу поклонился.

— Добро пожаловать, мессеры. Граф уже ожидает вас.

Они въехали в город. Раймон сразу почувствовал разницу. Здесь не было той суровой замкнутости северных городов. Улицы были полны жизни. Ювелиры работали прямо перед мастерскими. Кожевники спорили с торговцами. Дети играли возле фонтанов.

На одной площади монах-доминиканец горячо спорил с пожилым человеком в простой серой одежде. Вокруг собралась толпа. Никто не вмешивался. Все слушали.

— О чем они спорят? — спросил Раймон.

Арно бросил короткий взгляд.

— О Боге.

— И им позволяют?

— Пока позволяют.

Раймон удивленно посмотрел на наставника. Тот больше ничего не сказал.

...

Через несколько кварталов они оказались на Рыночной площади. Это было сердце Тулузы. Здесь продавали все. Лошадей. Книги. Шелк. Оружие. Сыр. Лекарственные травы. Даже редкие восточные ковры.

Из толпы неожиданно вышел высокий мужчина в длинной темной одежде. На голове — круглая шапочка ученого. За поясом — не кинжал, а кожаный футляр с перьями.

— Простите...

Он обратился к Гильому.

— Это люди графа?

— Да.

Мужчина поклонился.

— Передайте его сиятельству... Я закончил перевод.

Гильом кивнул.

— Уже?

— Да.

— Быстро.

— Когда книга интересная, время исчезает.

Раймон не выдержал.

— Что за книга?

Ученый улыбнулся.

— Аристотель.

— На латыни?

— Уже нет. Теперь и на окситанском.

Он снова поклонился и растворился в толпе. Раймон долго смотрел ему вслед.

— Неужели граф действительно платит за перевод книг?

Арно спокойно ответил:

— Знание иногда стоит дороже крепости.

...

Дворец графа Тулузского возвышался над городом. Он не поражал размерами. Но в нем чувствовалась власть. Во внутреннем дворе тренировались рыцари. Оруженосцы чистили кольчуги. Послы разных земель ожидали приема. Слуги бегали с письмами. Все двигалось быстро, но без суеты.

Гильом передал поводья слуге.

— Следуйте за мной.

Их провели через длинную галерею. По стенам висели тканые ковры, изображавшие охоту, рыцарские турниры и сцены из Священного Писания. Но внимание Раймона привлекла другая вещь. На одном из ковров были вышиты не короли. Не святые. А люди, державшие в руках книги.

— Красиво, — тихо сказал он.

Арно посмотрел туда же.

— Граф любит ученых.

— Это плохо?

— Нет. Просто необычно.

...

Их остановили возле высоких дубовых дверей.

— Подождите здесь.

Гильом исчез за дверью. В коридоре стояла тишина. Лишь где-то далеко слышались голоса. Неожиданно одна из боковых дверей открылась. Из комнаты вышла молодая женщина. Она была одета просто. Без драгоценностей. Без дорогих украшений. Светло-серое платье. Темно-русые волосы были собраны под тонкой белой вуалью. В руках она держала несколько рукописей.

Она шла быстро, внимательно читая одну из них. И почти столкнулась с Раймоном. Листы рассыпались по полу.

— Простите!

Раймон мгновенно опустился на колени и начал собирать рукописи. Женщина тоже присела. Их руки одновременно

потянулись к одному листу. На мгновение пальцы коснулись друг друга. Она подняла глаза. Раймон встретился с ней взглядом. Ее глаза были необычного серо-зеленого цвета. Спокойные. Умные. И удивительно внимательные.

— Благодарю вас, мессир.

Голос был тихим. Но уверенным. Раймон протянул ей последний лист. И машинально посмотрел на текст. Не молитва. Не хозяйственные записи. Философский трактат.

Женщина заметила его взгляд. Легкая улыбка коснулась ее губ.

— Вы умеете читать по-латыни?

— Немного.

— Это уже больше, чем умеют многие рыцари.

Раймон смутился.

— Меня учил Арно.

Она перевела взгляд на старика. И неожиданно слегка поклонилась.

— Мессир де Кабаре. Давно не виделись.

Раймон удивленно посмотрел сначала на Арно, потом на женщину. Старик ответил поклоном.

— Рад видеть вас в добром здравии... ..леди Эсклармонда.

Имя прозвучало спокойно. Но почему-то Раймон почувствовал, что запомнит его навсегда. Эсклармонда. Она улыбнулась обоим.

— Отец уже ждет вас.

И, прежде чем Раймон успел что-либо сказать, скрылась за поворотом галереи.

Юноша еще несколько секунд смотрел ей вслед. Арно едва заметно усмехнулся.

— Закрой рот.

Раймон смущенно кашлянул.

— Я вовсе...

— Конечно. Именно так выглядит человек, которого совершенно ничего не поразило.

Рыцарь со шрамом тихо рассмеялся.

— Молодость...

Но Арно внезапно стал серьезным. Он посмотрел туда, где исчезла Эсклармонда. И в его взгляде мелькнула тревога. Слишком хорошо он понимал, что иногда самые опасные испытания начинаются не на поле боя, а с одного случайного взгляда в дворцовом коридоре.

В этот момент тяжелые дубовые двери распахнулись. На пороге появился камергер.

— Его сиятельство граф Раймунд Тулузский примет вас.

Раймон глубоко вдохнул. Он еще не знал, что разговор, который сейчас состоится, определит всю его дальнейшую жизнь. Именно здесь закончится его беззаботная юность и начнется путь человека, которому однажды предстоит стать Соколом Окситании.

Граф Тулузы

«Правителю недостаточно быть сильным. Он должен понимать, в какой миг сила превращается в безрассудство, а уступка — в гибель.» ...Из хроники аббатства Сен-Сернен.

Тяжелые дубовые двери бесшумно закрылись за их спинами. Кабинет графа оказался совсем не таким, каким представлял его Раймон. Не было ни роскошного трона, ни золоченых кресел, ни ряда вооруженных телохранителей, застывших вдоль стен.

Комната была просторной, но удивительно простой. Большой стол из темного дуба почти исчезал под горами пергаментов. Рядом стояли деревянные ящики, заполненные свитками, картами и запечатанными письмами. У дальней стены находилась библиотека — несколько сотен томов, аккуратно переплетенных в кожу. На подоконнике лежал раскрытый астрономический трактат, рядом — бронзовый астролябий, словно хозяин только что отложил его в сторону.

У высокого окна стоял человек. Он смотрел на город. Руки были сложены за спиной. Когда дверь закрылась, он медленно обернулся.

Граф Раймунд VI Тулузский был старше, чем ожидал Раймон. Ему уже перевалило за пятьдесят. Седина густо серебрила темные волосы. Лицо пересекали глубокие морщины, но взгляд оставался живым и цепким. Так смотрят люди,

привыкшие замечать то, что другие предпочитают скрывать. Одет он был без показной роскоши — темно-красная туника, широкий пояс, короткий меч. Единственным украшением служил массивный золотой перстень с гербом дома Сен-Жиль.

Несколько мгновений он молча разглядывал вошедших. Потом улыбнулся.

— Арно...

Голос оказался неожиданно теплым.

— Сколько лет прошло?

Арно поклонился.

— Достаточно, чтобы мы оба начали жаловаться на старые раны.

Граф тихо рассмеялся.

— Значит, еще живы. Это уже неплохо.

Он подошел ближе. Не протянул руку — крепко обнял старого рыцаря. Без церемоний. Как человека, которого действительно рад видеть.

Раймон отметил это сразу. Перед ним были не граф и вассал. Перед ним стояли старые друзья.

...

— А это, должно быть, Раймон де Мирпуа?

Юноша поклонился.

— К вашим услугам, ваше сиятельство.

Граф несколько секунд внимательно изучал его.

— Высокий. Арно был прав.

— Простите?

— Он писал мне о тебе еще два года назад.

Раймон удивленно посмотрел на наставника. Арно сделал вид, что рассматривает окно.

— Вы... писали обо мне?

— Конечно, — спокойно ответил старик. — Я должен был сообщить графу, что среди молодых рыцарей появился человек, которого однажды стоит позвать ко двору.

— Но вы никогда...

— Потому что тебе незачем было знать.

Граф усмехнулся.

— Он всегда такой. Сначала делает. Потом молчит. Иногда слишком долго.

Арно лишь пожал плечами.

...

Граф пригласил всех к столу. Слуги бесшумно внесли кувшин вина, воду и свежий хлеб. Когда они ушли, Раймунд собственноручно закрыл дверь. На этот раз — на тяжелый железный засов. Раймон невольно насторожился. Разговор явно не предназначался для чужих ушей.

Граф сел. Долго молчал. Затем неожиданно спросил:

— Что вы видели по дороге?

Ответил Арно. Коротко. Без лишних подробностей. Он рассказал о разграбленном обозе. О погибших купцах. О мальчишке Бернаре. О третьей повозке. О вскрытых письмах. И наконец положил на стол небольшой обломок красного

воска. С отпечатком королевской лилии.

Граф долго смотрел на него. Очень долго. Потом медленно поднял голову. Лицо его изменилось. Исчезла приветливая улыбка. Исчезла легкость. Перед ними сидел уже не гостеприимный хозяин. Перед ними сидел государь.

— Кто еще знает?

— Только мы, — ответил Арно.

— Хорошо.

Граф перевел взгляд на Гильома.

— И ты никому не говорил?

— Никому, ваше сиятельство.

Раймунд кивнул. Потом подошел к окну. Несколько секунд смотрел вниз. На шумную площадь. На людей. На детей. На торговцев. На город, который жил своей обычной жизнью.

— Они уже начали...

Произнес он почти шепотом.

— Кто? — спросил Раймон.

Граф обернулся.

— Север.

...

Наступило молчание. Раймон ничего не понимал.

— Простите... Но какое отношение французский король имеет к купеческому обозу?

Граф внимательно посмотрел на юношу.

— Хороший вопрос.

Он подошел к карте, висевшей на стене. На ней были изображены южные земли. Тулуза. Каркассон. Безье. Фуа. Комменж.

Затем его палец медленно двинулся на север.

— Видишь?

— Да.

— Здесь начинается другое королевство. Другая жизнь. Другие законы.

Он повернулся.

— Они считают нас слишком свободными.

— Разве свобода — преступление?

На этот раз улыбнулся не граф. Арно. Очень грустно.

— Для некоторых правителей — да.

...

Граф сел обратно.

— Раймон... Ты ведь умеешь читать?

— Да.

— Тогда прочитай.

Он достал из ящика письмо. Без печати. Без подписи. Юноша начал читать вслух.

"...Еретическая зараза на юге становится опаснее с каждым годом. Если граф Тулузский не наведет порядок собственной рукой, найдутся те, кто сделает это вместо него..."

Дальше следовали строки о долге христианского государя, о единстве Церкви и о необходимости очистить земли Лангедока от ложного учения.

Раймон закончил.

— Кто написал это?

Граф покачал головой.

— Не знаю.

— Но...

— Это копия. Оригинал был перехвачен.

Арно спокойно спросил:

— И именно такие письма перевозил убитый купец?

Раймунд медленно кивнул.

— Думаю, да.

— Значит, кто-то хотел узнать, насколько далеко все зашло.

— Или уничтожить доказательства.

...

Дверь тихо открылась. Вошел пожилой мужчина в темной одежде. Высокий. Очень худой. Седые волосы были коротко острижены. На груди не висело никакого креста. Лишь простой кожаный ремень. Увидев его, Арно сразу поднялся.

— Мир вам, брат Пьер.

Тот слегка поклонился.

— И вам, мессир.

Раймон заметил, что граф тоже встал. Не как перед придворным. Как перед человеком, которого глубоко уважает.

— Проходите, Пьер.

Мы как раз говорим о письмах. Старик спокойно сел. Его лицо было удивительно светлым. Спокойным. Он больше по-

ходил на ученого, чем на священника. Раймон почувствовал, что уже видел похожий взгляд. Так же внимательно и спокойно смотрела Эсclarмонда. Брат Пьер взял со стола обломок печати. Лишь взглянул. И тихо произнес:

— Значит... Времени осталось меньше, чем мы думали.

В кабинете стало так тихо, что было слышно, как за окном звонит колокол собора Сен-Сернен.

Раймон перевел взгляд с графа на Арно, затем на незнакомца. Он все еще не понимал главного. Кто такой брат Пьер? Почему граф поднимается при его появлении? И почему в его голосе не было ни капли страха, хотя слова звучали страшнее любого военного донесения?

Ответ на этот вопрос должен был изменить не только представление Раймона о вере, но и всю его дальнейшую судьбу. Ведь брат Пьер был не просто ученым. Он принадлежал к тем людям, которых на юге называли «Совершенными», а на севере — еретиками. И впервые Раймон оказался лицом к лицу с человеком, из-за которого однажды на земли Окситании придут десятки тысяч вооруженных крестоносцев.

Глава X

Совет за закрытыми дверями

«Войны начинаются задолго до того, как первый рыцарь подымет копьё. Сначала оружием становятся слова, потом

письма, и лишь затем — мечи.» ...Из хроники монастыря Фонфруад.

Колокол собора Сен-Сернен пробил полдень.

Его глухой звон еще долго перекатывался над крышами Тулузы, когда граф Раймунд подошел к двери кабинета и собственноручно повернул два тяжелых железных ключа. Он не хотел, чтобы кто-нибудь вошел. Но еще больше — чтобы кто-нибудь услышал.

Брат Пьер молча наблюдал за ним. Арно сидел неподвижно. Рыцарь со шрамом стоял у окна. Лишь Раймон чувствовал себя так, словно оказался в самом центре игры, правил которой еще не понимал.

Граф вернулся к столу.

— Теперь можно говорить открыто.

Он взял лежавшую рядом карту Европы. Не карту государств. карту дорог. Красными чернилами были отмечены пути купеческих караванов, монастырские маршруты, перевалы через Пиренеи, переправы через Рону и Гаронну. Раймон никогда прежде не видел подобных карт.

— Что ты видишь? — спросил граф.

— Дороги.

— Нет.

Он покачал головой.

— Это кровь моего государства.

Если дороги перекрыть — город проживет месяц. Если

перекрыть их на год — погибнет весь Лангедок. Он медленно провел пальцем по линии от Тулузы к Средиземному морю.

— Мы богаты не потому, что нашли золото. Мы богаты потому, что через нас проходит весь юг Европы. А значит...

Он сделал паузу.

— Нас ненавидят не только за веру. Нас ненавидят за богатство.

Эти слова прозвучали неожиданно. Раймон всегда считал, что разговор идет исключительно о катарах. Теперь картина начинала меняться.

...

Брат Пьер впервые заговорил. Голос у него был негромкий, почти мягкий.

— Люди редко идут на войну только ради Бога. Обычно Господа вспоминают уже после того, как посчитали деньги.

Никто не возразил. Даже граф. Арно спокойно посмотрел на Раймона.

— Запомни это.

Юноша кивнул. Он уже начинал понимать, что мир устроен гораздо сложнее, чем учили в рыцарских романах.

...

— Есть еще одна причина, — продолжил граф.

Он подошел к окну. На площади под дворцом торговцы разгружали повозки.

— Север привык жить иначе. Каждый барон подчиняется

королю. Каждый епископ — Риму. Каждый город знает свое место.

Он повернулся.

— А у нас...

Он улыбнулся.

— У нас каждый сначала спорит. Потом думает. И только потом соглашается... Иногда.

Даже брат Пьер позволил себе едва заметную улыбку.

— Именно поэтому юг невозможно понять тому, кто здесь не жил.

...

Рыцарь со шрамом, до сих пор молчавший, неожиданно произнес:

— Но если все настолько серьезно... Почему люди на улицах смеются? Почему музыканты поют? Почему никто не готовится к войне?

Граф тяжело вздохнул.

— Потому что войны пока нет.

— Но она будет.

— Да.

— Тогда почему молчите?

Наступила долгая пауза. Наконец ответил Арно.

— Потому что паника убивает быстрее мечей.

...

В дверь тихо постучали.

— Войдите.

В кабинет вошел камергер. Он выглядел встревоженным.
— Простите, ваше сиятельство... Прибыл легат из Рима.
Все присутствующие переглянулись. Граф медленно под-
нялся.

— Уже?

— Да.

— Один?

— Нет. С ним около двадцати вооруженных всадников.

Арно тихо произнес:

— Священникам не нужна такая охрана.

Граф невесело усмехнулся.

— Иногда нужна. Особенно если они приезжают не убеж-
дать, а требовать.

...

— Проводи его в малый зал. Скажи, что я приму его через
час.

Камергер поклонился и вышел. Как только дверь закры-
лась, граф повернулся к Арно.

— У нас мало времени.

Он подошел к Раймону.

— Именно поэтому я вызвал тебя.

Юноша удивился.

— Меня?

— Да.

— Но почему?

Граф внимательно посмотрел ему прямо в глаза.

— Потому что у тебя еще нет врагов.

Раймон не понял.

— Разве это важно?

— Очень.

Арно негромко сказал:

— Старых людей слишком хорошо знают. На нас давно смотрят. Следят. Предугадывают наши шаги.

Граф кивнул.

— А ты для большинства — всего лишь молодой рыцарь из Мирпуа. Никто не станет обращать на тебя внимания. Пока...

Последнее слово прозвучало особенно тяжело.

...

— Что вы хотите поручить мне?

Граф не ответил сразу. Он открыл один из сундуков. Достал небольшой кожаный футляр. Положил его на стол. Внутри лежала простая серебряная печать. Без герба. Лишь изображение сокола с расправленными крыльями. Раймон осторожно взял ее в руки.

— Красиво...

— Это старая печать моего деда. Ее давно никто не использует. Теперь она будет твоей.

— Но зачем?

— Если увидишь письмо с таким знаком... Можешь доверять тому, кто его принес.

Арно внимательно посмотрел на графа.

— Значит, ты решил восстановить старую сеть?

— Придется. Иначе мы ослепнем.

Раймон чувствовал, что разговор становится все опаснее.

— Простите... Я ничего не понимаю.

Граф неожиданно улыбнулся.

— И это хорошо. Потому что человек, который понимает все сразу, обычно долго не живет.

...

В этот момент брат Пьер поднялся.

— Позвольте мне поговорить с молодым человеком. Наедине.

Арно вопросительно посмотрел на графа. Тот кивнул. Через минуту они остались вдвоем в небольшой библиотеке, примыкавшей к кабинету. В комнате пахло воском, старым пергаментом и высушенными травами. Брат Пьер медленно подошел к книжным полкам.

— Ты удивлен?

— Очень.

— Тем, что граф доверяет катару?

Раймон честно ответил:

— Да.

Старик не обиделся. Он лишь слегка улыбнулся.

— Это естественно. Тебя учили, что истина всегда одна. Но редко говорили, что человек может искать ее разными дорогами.

Он провел рукой по корешкам книг.

— Посмотри вокруг. Эти книги написали монахи. Евреи. Арабы. Греки. Если бы граф запретил читать тех, кто думает иначе... Половины этой библиотеки просто не существовало бы.

Раймон молчал. Он никогда раньше не смотрел на мир с такой стороны.

— Скажи честно... Ты считаешь меня врагом?

Юноша долго не отвечал. Наконец произнес:

— Нет.

Я просто... не знаю вас.

Брат Пьер впервые улыбнулся по-настоящему.

— Это самый мудрый ответ, который я услышал за последние месяцы. Не спешить ненавидеть человека, которого еще не знаешь, — редкий дар. Береги его. Он может однажды спасти тебе жизнь. И не только твою.

...

Когда Раймон вышел из библиотеки, Арно уже ждал его в коридоре.

— Ну?

— Он совсем не такой...

— Какой?

— Каким я представлял катаров.

Арно медленно кивнул.

— Именно поэтому впереди у нас столько бед.

Он положил руку на плечо ученика.

— Запомни сегодняшний день.

Через несколько лет люди будут убивать друг друга, даже не задавая тех вопросов, которые сегодня задал ты.

А пока... пойдём. Нас ждёт человек, который прибыл из Рима. И я почти уверен, что он привез не мир.

Глава XI

Легат Святого Престола

«Есть люди, которые входят в дом как гости. И есть те, кто входит уже как будущие хозяева.»

Из хроники монастыря Сен-Папуль.

Пока камергер вел Раймона и Арно к Малому залу аудиенций, дворец словно изменился. Ещё час назад по коридорам свободно ходили писцы, оруженосцы, купцы, послы. Теперь голоса стали тише. Слуги двигались быстрее обычного. Стражники, прежде стоявшие лишь у входов, появились почти у каждой двери.

Кто-то уже успел произнести слово, которое никто не хотел слышать вслух. Рим. Не папа. Не Церковь. Именно Рим. Южане хорошо чувствовали разницу.

...

Малый зал был значительно скромнее большого тронного помещения. Никакого возвышения. Никакого балдахина. Лишь длинный стол, несколько резных кресел и огромное

окно, выходявшее на город.

Граф стоял у окна. За его спиной молча находились Гильом, брат Пьер и рыцарь со шрамом. Когда вошли Арно и Раймон, граф лишь коротко кивнул.

— Он уже здесь.

Двери распахнулись. Вошли четверо. Первым шел высокий худощавый священнослужитель лет пятидесяти. Белое лицо. Тонкие губы. Темные, почти черные глаза.

На нем была дорогая, но строгая черная сутана с пурпурной отделкой. На груди висел серебряный крест, украшенный аметистами. За ним следовали два молодых клирика с футлярами для документов. Последним вошел рыцарь. Не храмовник. Не госпитальер. Обычный северофранцузский рыцарь. Но держался он так, словно сопровождал короля.

Легат остановился посреди зала.

— Мир дому вашему.

Граф ответил без малейшей задержки.

— И вашему дому — мир.

Поклонились оба. Ровно настолько, насколько требовал этикет. Не больше. Не меньше.

...

— Ваше сиятельство, — произнес легат, — благодарю за гостеприимство.

— Южане всегда рады путникам.

— Даже если они приезжают с неприятными известиями?

— Особенно тогда.

Легат чуть заметно улыбнулся. Раймон сразу понял: эти люди давно знают друг друга. И давно друг другу не доверяют.

...

— Позвольте представить...

— Нет необходимости, — перебил граф.

— Я знаю вас, монсеньор Арнольд.

При этих словах Арно едва заметно повернул голову. Раймон уловил движение. Совсем небольшое. Но наставник был насторожен.

Арнольд Амальрик. Имя прозвучало спокойно. Почти буднично. Но в комнате словно стало холоднее.

Легат развел руками.

— Значит, нам будет легче говорить.

— Это зависит не от знакомства.

— А от чего?

— От намерений.

Наступила короткая пауза. Арнольд улыбнулся. Но его глаза остались неподвижными.

— Тогда поговорим откровенно.

...

Клирик развернул длинный свиток. Легат не стал читать его полностью. Он говорил по памяти.

— Святейший отец обеспокоен положением дел в ваших владениях. В городах открыто проповедуют еретики. Некоторые сеньоры оказывают им покровительство. Церковные

суды встречают сопротивление. А люди, отвергающие истинную веру, продолжают множиться.

Он сделал небольшую паузу.

— Рим просит вас положить этому конец.

Граф молчал.

Арнольд продолжил:

— Закрыть их дома собраний. Выдать проповедников. Лишить покровительства тех дворян, которые им помогают. Иначе...

Он не закончил. В этом не было необходимости...

...

Первым нарушил молчание брат Пьер.

— Простите, монсеньор... Можно вопрос?

Легат медленно повернулся. Его взгляд задержался на простой серой одежде Пьера.

— Вы?

— Да.

— Кто вы такой?

— Человек, которого касается ваш разговор.

В комнате стало тихо. Арнольд несколько секунд изучал лицо старика.

— Значит... Вы один из них.

— Если вы говорите о катарах... Да.

Легат перевел взгляд на графа.

— Вы даже не скрываете этого?

Раймунд спокойно ответил:

— В моем доме не принято прятать гостей.

— Даже еретиков?

— Даже людей.

Ответ прозвучал настолько спокойно, что Раймон почувствовал, как напряглись все присутствующие.

...

Арнольд сделал несколько шагов вперед.

— Ваше сиятельство... Вы умный человек. Неужели вы действительно считаете, что можно сохранить мир, позволяя каждому верить во что угодно?

Граф ответил сразу.

— Нет.

— Тогда?

— Мир сохраняется не потому, что все думают одинаково. А потому, что люди не хватаются за меч каждый раз, когда слышат чужое мнение.

На этот раз молчание длилось дольше обычного. Даже клирики перестали шевелиться.

...

Легат неожиданно посмотрел на Раймона.

Совсем неожиданно.

— А этот молодой человек? Кто он?

Граф не успел ответить. Раймон шагнул вперед.

— Раймон де Мирпуа. Рыцарь.

— Давно посвящены?

— Три года назад.

Арнольд внимательно смотрел ему в глаза.

— И что же вы думаете обо всем этом?

Вопрос застал юношу врасплох. В комнате воцарилась такая тишина, что он слышал собственное дыхание. Он понимал: любой ответ запомнят. На всю жизнь. Арно не пришел ему на помощь. Граф тоже молчал. Это был его выбор.

Раймон медленно произнес:

— Я думаю... Что Господь дал человеку язык раньше, чем меч.

Легат прищурился.

— Продолжайте.

— Значит... Пока люди способны говорить... Не стоит начинать убивать.

Никто не произнес ни слова. Арнольд долго смотрел на юношу. Затем неожиданно улыбнулся. Впервые по-настоящему.

— Молодость... Как она любит надеяться.

Он повернулся к графу.

— Берегите этого рыцаря. Такие люди редко переживают большие войны.

...

Когда легат со своей свитой покинул дворец, никто еще долго не нарушал молчания. Наконец Арно подошел к окну. Он смотрел, как всадники в черных плащах пересекают двор.

— Что скажешь? — спросил граф.

— Он уже все решил.

— Я тоже так думаю.

— Он приехал не договариваться.

— Нет.

— Тогда зачем?

Ответил брат Пьер. Очень тихо.

— Чтобы потом сказать Папе, что он пытался.

Эти слова заставили всех замолчать. Граф медленно по-
дошел к столу. Взял бокал вина. Но так и не сделал ни глотка.

— Значит... Время заканчивается.

Брат Пьер покачал головой.

— Нет. Оно уже закончилось.

...

Тем же вечером, когда солнце опускалось за стены Тулу-
зы, легат Арнольд Амальрик остановил своего коня у ворот
доминиканского приората.

Один из клириков тихо спросил:

— Монсеньор... Неужели граф действительно настолько
опасен?

Арнольд посмотрел на красные крыши города.

— Нет.

— Тогда кто?

Легат ответил не сразу. Его взгляд был устремлен туда, где
на высокой башне развевалось знамя Тулузы.

— Опасны не такие люди, как граф. Опасны земли, где
люди начинают думать самостоятельно.

Клирик ничего не понял. Но Арнольд уже думал о другом. О Риме. О Папе. О донесении, которое он напишет этой ночью. И в этом донесении впервые появятся слова, которые через несколько лет потрясут всю Европу.

«Лангедок невозможно вернуть Церкви одними проповедями.»

Так начиналась история войны, которую никто из присутствующих уже не мог остановить.

Глава XII

Двор Эсклармонды

«Когда рыцарь впервые слышит песню, написанную не о войне, он начинает понимать, ради чего вообще стоит держать меч.»

Из окситанской канцоны XIII века.

Утро в графском дворце начиналось не со звона оружия. Оно начиналось с музыки. Проснувшись, Раймон сначала решил, что где-то неподалеку поет птица. Но мелодия была слишком сложной. Он подошел к окну. Во внутреннем саду под цветущими миндальными деревьями сидели трое музыкантов. Один держал виолу. Другой играл на арфе. Третий тихо перебирал струны лютни.

Рядом стояли молодые женщины. Они распевали новую

канцону. Никто не репетировал. Никто не командовал. Музыка словно рождалась сама собой.

— Красиво?

Раймон обернулся. Арно уже стоял в дверях.

— Я никогда не слышал ничего подобного.

Старик улыбнулся.

— Именно поэтому северяне никогда нас не поймут.

— Потому что мы любим музыку?

— Нет. Потому что у нас даже власть начинается не с приказов. А с разговора.

...

После завтрака Раймона пригласили пройти в сад. Там уже собирались гости графского двора. Поэты. Рыцари. Ученые. Дамы. Несколько купцов из Генуи. Послы Арагона. И даже двое еврейских врачей, прибывших из Нарбонны.

Все свободно разговаривали друг с другом. Никого не удивляло, что ученый спорил с рыцарем. Что купец смеялся рядом с виконтом. Что женщина перебивала известного богослова.

— Разве это не нарушает этикет? — тихо спросил Раймон.

Арно усмехнулся.

— Здесь этикет другой. Если человеку есть что сказать — его слушают. Если нечего — происхождение не поможет.

...

— Мессир Раймон.

Он сразу узнал этот голос. Эсклармонда. Сегодня она бы-

ла одета в темно-синее платье без единого украшения. Лишь серебряная брошь в виде голубя удерживала легкую накидку. В руках она держала книгу.

— Вы уже освоились?

— Пока только пытаюсь.

Она улыбнулась.

— Тогда позвольте показать вам настоящий двор Тулузы.

Они медленно пошли по аллее. По обеим сторонам благоухали розы. Фонтаны тихо журчали среди кипарисов.

— Здесь собираются трубадуры?

— Почти каждый вечер.

— И граф позволяет?

Эсклармонда рассмеялась.

— Иногда мне кажется, что отец приглашает их чаще, чем собственных советников.

...

В центре сада стоял молодой человек в зеленом плаще. Он читал стихи. Не громко. Но вся площадка слушала.

— Кто это?

— Пейре Видадь.

— Тот самый?

— Да.

Раймон слышал это имя. Даже в Мирпуа знали о знаменитом трубадуре.

Пейре закончил канцону. Раздались аплодисменты. Он заметил Эсклармонду. Низко поклонился.

— Госпожа... Вы снова спасаете молодых рыцарей от скуки?

— Скорее знакомлю их с настоящим Лангедоком.

— Тогда мне остается только помочь.

Он подошел к Раймону.

— Вы недавно прибыли?

— Да.

— Значит, еще не успели влюбиться.

Эсclarмонда тихо засмеялась. Раймон покраснел.

— Простите?

Пейре театрально развел руками.

— В Лангедоке это происходит очень быстро. Сначала — в женщину. Потом — в сам Лангедок. И, поверьте старому трубадуру... Второе намного опаснее.

...

Позже, когда гости разошлись небольшими группами, Эсclarмонда остановилась возле старого платана.

— Вы вчера удивились, увидев мои книги.

— Да.

— Почему?

— Обычно дам учат вышиванию.

Она улыбнулась.

— Меня тоже учили.

— И?

— Я быстро поняла, что книги интереснее.

Она подняла взгляд.

— Арно рассказывал обо мне?

— Очень мало.

— Это на него похоже.

Несколько секунд они молчали. Потом Эсклармонда неожиданно спросила:

— Вы когда-нибудь встречали катаров?

Раймон честно ответил:

— До приезда в Тулузу — никогда.

— И что вы думали о нас?

Он не сразу нашел слова.

— Честно?

— Только честно.

— Что это люди, отвернувшиеся от Бога.

Эсклармонда кивнула. Без обиды.

— А теперь?

Раймон вспомнил брата Пьера. Вспомнил спокойствие старика. Его библиотеку. Его слова.

— Теперь... Мне кажется, что все намного сложнее.

Она посмотрела на него так внимательно, словно ждала именно этого ответа.

— Спасибо.

— За что?

— За то, что вы способны изменить мнение. Это редкое качество. Особенно среди рыцарей.

...

Над садом вновь зазвучала лютня. Пейре Видаль начал но-

вую песню. Она рассказывала не о битвах. Не о победах. А о земле, где люди разных вер убеждали друг друга словами, а не мечами. Раймон слушал музыку и смотрел на Эсклармонду.

Ветер слегка колыхал ее волосы. Солнечный свет пробивался сквозь листву. И впервые за многие годы ему захотелось, чтобы время остановилось.

Арно, наблюдавший за ними из галереи дворца, тяжело вздохнул. Рядом с ним остановился граф Раймунд.

— Что случилось?

— Ничего хорошего.

— Почему?

Арно не сводил глаз с молодых людей.

— Потому что я только что увидел начало истории, которая сделает Раймона счастливым...

Он помолчал.

— ...и однажды заставит его сражаться отчаяннее, чем за собственную жизнь.

Граф перевел взгляд на сад. Песня продолжала звучать.

Никто из собравшихся еще не подозревал, что именно такие вечера — наполненные смехом, музыкой и свободными разговорами — спустя несколько лет станут для победителей главным доказательством того, что Лангедок необходимо было уничтожить. Именно эта свобода, а не мечи, казалась их врагам самой опасной силой.

Глава XIII

Турнир у стен Тулузы

«На турнире рыцарь показывает, чему научился. Но только после турнира становится ясно, чему он еще не научился».

Из наставлений Арно де Кабаре

Площадь для турнира устроили за северными стенами Тулузы, на широком лугу возле дороги, ведущей к Монтобану.

Еще за несколько дней до состязаний туда потянулись плотники, кузнецы, торговцы, конюхи и слуги. Возводились деревянные трибуны, натягивались полотняные навесы, ставились шатры знатных гостей. Над лагерем поднимались десятки знамен — алые, золотые, синие, зеленые, украшенные львами, крестами, башнями, лилиями и фантастическими зверями.

К утру первого дня поле уже напоминало небольшой город.

Здесь продавали жареное мясо, хлеб, вино, сладости с медом и орехами. Менялы раскладывали серебряные монеты на покрытых тканью столах. Оружейники предлагали запасные копыя, щиты, ремни и наконечники. Мальчишки бегали между палатками, собирая обломки древков, чтобы потом хвастаться ими перед друзьями.

На дороге непрерывно появлялись новые всадники.

Прибывали рыцари из Фуа, Каркассона, Безье, Нарбонны, Альби, Комменжа и дальних пиренейских владений. Были среди них и каталонцы, и арагонцы, и несколько северян, чьи длинные щиты и тяжелые кони заметно отличались от вооружения южан.

Раймон стоял возле своего шатра и наблюдал за прибывающими.

— Слишком много людей, — сказал он.

Арно, проверявший подпругу его коня, даже не поднял головы.

— Для турнира?

— Для праздника.

— Праздники всегда собирают больше людей, чем похороны.

— Почему?

— На празднике каждый надеется что-нибудь получить. Славу. Деньги. Женщину. Покровительство. Нового врага.

Раймон усмехнулся.

— Последнее звучит странно.

— Только для того, у кого еще мало врагов.

Арно потянул ремень, убедился, что пряжка держит, и наконец посмотрел на ученика.

— Запомни: сегодня ты сражаешься не только перед зрителями.

— А перед кем еще?

— Перед графом. Перед его союзниками. Перед его про-

тивниками. Перед теми, кто решает, достоин ли молодой рыцарь доверия.

— Значит, это не просто турнир?

— Никогда не бывает просто турнира.

Раймон перевел взгляд на поле. Сначала он видел лишь знамена, копы и лошадей. Теперь начал замечать другое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.